
Полупровал или полууспех? Размышления над дискурсами о сталинской индустриализации

Рецензия на книгу: Ханин Г.И. (2023) Экономика СССР в годы первой пятилетки. Новосибирск: СибАГС.

Ю.В. ЛАТОВ*

*Юрий Валерьевич Латов – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, latov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7566-4192>

Цитирование: Латов Ю.В. (2024) Полупровал или полууспех? Размышления над дискурсами о сталинской индустриализации // Мир России. Т. 33. № 2. С. 183–201. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-2-183-201

Аннотация

Высокая актуальность обсуждения авторитарной модернизации в современной России стимулирует пристрастное изучение аналогичных периодов прошлой российской истории. В этой связи новая монография Г.И. Ханина, посвященная провалам и достижениям первой советской пятилетки 1928/1929–1933 гг., интересна как материал для аналитических размышлений, насколько в наши дни правомерны прежние критические оценки этих событий. В книге Г.И. Ханина с опорой на работы ведущих западных советологов и на его собственные расчеты дана острокритическая оценка первой пятилетки: ее планы были фантастически завышенными, меры их реализации – хаотичными, неэффективными и жестокими, а достигнутые результаты составляли лишь порядка 60% запланированного. В то же время высокая современная популярность эпохи Сталина показывает, что массовым сознанием россиян такие критические оценки, во многом оправданные, скорее отторгаются, чем принимаются. Устойчивость контраста между либеральной критикой сталинских пятилеток и ее горздо более позитивными оценками в массовом сознании заставляет искать объяснение этого контраста, не сводимое к конъюнктурному влиянию государственной пропаганды. Доказывается, что критика первой пятилетки правомерна, если трактовать ее как «строительство социализма», однако если рассматривать первые пятилетки как метод «догоняющего развития», которое практически во всех неевропейских странах было очень неоднозначным по соотношению достижений и издержек, то критика авторитарной модернизации должна быть горздо более умеренной. В частности, перелив рабочей силы из села в город в результате насильственной коллективизации обнаруживает парадоксальное сходство с популярной в 1960–1970-е гг. моделью модернизации А. Льюиса, которая тоже

Статья поступила в редакцию в декабре 2023 г.

предполагала использование для промышленного взлета трудоемких технологий и минимальную оплату труда. В самой книге Г.И. Ханин признается, что, несмотря на провал начальных планов первой пятилетки, прирост в промышленности и строительстве (то есть в ключевых отраслях) был все же необычайно высоким. В этой связи поддерживается высказанное Г.И. Ханиным предположение, что фантастически завышенные плановые задания мыслились руководством СССР скорее как метод мобилизации (план-призыв), чем как рабочий документ, рассчитанный на точное выполнение. В ту эпоху даже критики неэффективности, жестокости и фальсификаций первой пятилетки не видели принципиальной альтернативы проводимой политике. Необходимость оценивать переломные социально-экономические изменения с учетом в первую очередь показателей не эффективности, а результативности, а также ограниченного коридора возможностей относится не только к первой пятилетке, но и к современным – во многом схожим – событиям.

Ключевые слова: авторитарная модернизация, первая советская пятилетка, сталинская эпоха, общественное сознание

Издание новой монографии Г.И. Ханина «Экономика СССР в годы первой пятилетки» [Ханин 2023]¹, одного из ведущих специалистов по социально-экономической истории СССР, является подходящим поводом для размышлений об особенностях современного восприятия авторитарной модернизации прошлого века. Ее обсуждение представляется рефлексией по поводу переломных событий не только 90-летней давности, но и современных.

Г.И. Ханин справедливо отмечает, что «<...> периоду реализации первого пятилетнего плана <...> “не повезло”. Советские историки вынужденно освещали наиболее впечатляющие достижения пятилетки. <...> О цене этих достижений говорилось вскользь. <...> В период перестройки и постсоветский период обращалось внимание преимущественно на негативные характеристики. <...> Комплексного анализа на основе объективной статистики не проводилось» [Ханин 2023, с. 5]. Новая монография Г.И. Ханина претендует таким образом на комплексный анализ, отличающийся и от советской апологии достижений, и от либеральной концентрации на негативе. Правда, чуть дальше автор сдвигает акценты: «В последние годы в России в связи с неудачей либеральных экономических реформ усилилась ностальгия по сталинской советской экономике <...> в общественном сознании возникло много мифов об этом периоде. В интересах успешной попытки модернизации важно оценить не только плюсы, но и минусы первого пятилетнего плана и хода его реализации. Этой цели и посвящена данная книга» [Ханин 2023, с. 6]. Здесь автор акцентирует уже необходимость говорить именно о «минусах» первой пятилетки, поскольку ее «плюсы» и так прославлены.

Какую же задачу фактически решает монография Г.И. Ханина – дать комплексный анализ, взвешенно учитывающий плюсы и минусы, или же подчеркнуть в первую очередь минусы? Скорее вторую, поскольку, как дальше будет показано, в «Экономике СССР в годы первой пятилетки» критические оценки очень существенно перевешивают. Но поскольку автор однозначно является высококвалифицированным экспертом, в его новой монографии нетрудно найти аргументы

¹ Эта книга является обобщением многих предшествующих работ [Ханин 2023, Ханин 2022, Ханин, Фомин 2022].

как *contra*, так и *pro*. Далее будет показано, что, хотя книга Г.И. Ханина ближе к гиперкритическим установкам 1980–1990-х гг., при внимательном прочтении она дает весомые аргументы и их оппонентам.

Аргументы *contra*

Книга переполнена эмоциональными оценками о «фантастических установках», «статистической манипуляции», «лживой пропаганде», «тяжелейших неудачах», «полной некомпетентности советских руководителей», «вопиющей неэффективности», «катастрофическом ухудшении жизни», «зловещей атмосфере страха, лжи и нужды» и т.д. С точки зрения академических норм такое сгущение негативных эпитетов трудно признать удачным. Но Г.И. Ханнин в раздаче этих ярлыков не голословен, раскрывая фактические основания для острой критики планов первой пятилетки и их выполнения.

Для оценки планов первой пятилетки Г.И. Ханину кажется уместным термин «вакханальное планирование», предложенный американским экономистом, эмигрантом из Советской России, Н.М. Ясным [Ханнин 2023, с. 37]. Действительно, если самый первый вариант пятилетнего плана, разработанный с активным участием еще не уволенных и не репрессированных «буржуазных специалистов» Госплана, был более-менее реалистичным и сбалансированным, то последующие варианты пятилетнего и годовых планов становились все более и более сверхзавышенными. Приняв план, который нельзя выполнить, политическое руководство СССР оказалось перед дилеммой: либо к концу пятилетки честно признать очень существенное недовыполнение, либо пожертвовать истиной ради фальсифицированной отчетности о мнимых успехах. Первое решение было затруднено не только установкой на непогрешимость политического руководства. Большой разрыв между динамикой индустриализации, которая при любых оговорках существенно *увеличилась* (за пятилетку промышленная продукция выросла, по расчетам Г.И. Ханина, на 35%), и изменением уровня жизни, который существенно *упал* (так, реальная зарплата занятых в крупной промышленности сократилась на 43%, не говоря уже о «голодоморе»), мог интерпретироваться как «антинародность режима». Поэтому официальная советская статистика начала использовать всевозможные ухищрения для завышения достижений – «накрутку» выпуска за счет роста цен, отказ от учета снижения качества продукции и так далее. Поэтому руководители и специалисты стали подбираться по первостепенному критерию политической лояльности, а не профессиональной компетентности; начались политические процессы (например, дела «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии») против «вредителей», на происки которых можно было свалить провалы. «Так были запущены два важнейших механизма сталинской системы правления – ложь и страх. Страх впадающей в нищету большей части населения должен был удержать от антисоветских восстаний, ложь была предназначена для членов своей партии и комсомола внутри страны и сторонников коммунизма за рубежом при отсутствии или нехватке реальных успехов» [Ханнин 2023, с. 40].

Согласно книге Г.И. Ханина, главным ресурсом первой пятилетки, направленной главным образом на рост промышленности, стала малоквалифицированная

дешевая рабочая сила бывших крестьян. Поскольку наблюдалась «недостаточная численность занятых в несельскохозяйственных отраслях», то «для ее быстрого роста при реальном минимальном росте производительности труда <...> необходимо было обеспечить быстрейший приток в города рабочей силы. Этого можно было добиться, только сделав жизнь в деревне невыносимой» [Ханин 2023, с. 33]², что и было «успешно» осуществлено во время коллективизации. Но и такой метод давал умеренные результаты: выпуск промышленной продукции рос медленнее, чем планировалось, а работники на голодный уровень жизни реагировали стихийными массовыми протестами. Весной 1932 г. в Ивановской области прошли стачки голодающих рабочих («Вичугский бунт»), которые сам И.В. Сталин назвал «вторым Кронштадтом». В 1932–1933 гг. под влиянием экономических трудностей и массовых протестов власть вынуждена была легализовать рыночную торговлю продуктами и скорректировать планы. В результате в финальный год пятилетки социальное напряжение удалось понизить: «Самое худшее осталось позади. Секрет успехов 1933 года состоял, хотя и в запоздалом, осознании советским руководством реальности под угрозой нового Кронштадта» [Ханин 2023, с. 126].

Общий «приговор» первой пятилетке 1928–1933 г. Г.И. Ханин формулирует так: «Если следовать канонам классического экономического анализа, <...> следует сделать вывод, что пятилетка с треском и позором провалилась» [Ханин 2023, с. 130], ведь все основные производственные задания оказались выполнены лишь на 55–60%. Что касается социальной ситуации, то «<...> атмосферу страха дополняла атмосфера тотальной лжи. <...> В зловещей атмосфере страха, лжи и нужды развивались худшие человеческие инстинкты: доноительство, ложь, скрытность, недоброжелательство, подсиживание и многие другие» [Ханин 2023, с. 148].

Аргументы *pro*: современное общественное мнение

Хотя книга посвящена первой пятилетке, некоторые оценки и выводы автора претендуют на характеристику сталинской индустриализации или даже советской социально-экономической модели в целом. Для этого есть основания: нельзя не согласиться, что «<...> в период первой пятилетки сформировался в основных чертах <...> механизм командной экономики, который без больших изменений сохранился до начала перестройки» [Ханин 2023, с. 140]. Более того, по мнению автора, именно «<...> наследие первой пятилетки сыграло огромную роль в неудаче рыночных реформ в России в 1990-е годы» [Ханин 2023, с. 140].

Парадокс заключается в том, что оценки Г.И. Ханина (как и других критиков советской индустриализации) сильно расходятся с «народной» исторической памятью. Конечно, на современные массовые оценки сталинских реформ существенно влияет государственная информационная политика, направленная на акцентирование национальных достижений и приглушение провалов. Обращают на

² Эту мысль автор позже повторяет: «<...> при практически ручном труде в строительстве надо было почти удвоить число занятых в строительстве. Для этого требовалось вынудить крестьян бежать из деревни и загнать в лагеря нелояльные элементы. Лучшего способа добиться этого, чем коллективизация сельского хозяйства и репрессии, было не придумать» [Ханин 2023, с. 39–40].

себя внимание данные общероссийского опроса по репрезентативной выборке, организованного Институтом социологии РАН в 2000 г., когда всецело доминировали дискурсы ельцинской эпохи (таблица 1). Респондентам предлагали ответить на вопрос: «Какие периоды истории в XX в. оказали на социально-экономическое и политическое развитие России (СССР) скорее положительное, а какие отрицательное влияние?», и в рейтинге различных российских реформ сталинская индустриализация оказалась на первом месте. Правда, коллективизацию россияне оценили в целом отрицательно – почти так же критично, как и только что завершившиеся тогда ельцинские реформы.

Таблица 1. Рейтинг оценок различных периодов истории России/СССР, 2000 г., %

Исторические периоды	Положительное влияние (1)	Отрицательное влияние (2)	(1) – (2)
Индустриализация страны (конец 1920-х – 1930-е гг.)	85,0	13,5	71,5
Реформы начала XX в.	79,0	16,5	62,5
«Оттепель» (начало 1960-х гг.)	77,4	20,0	57,4
НЭП (1920-е гг.)	63,8	33,0	30,8
Октябрьская революция 1917 г.	45,3	53,3	-8,0
Период «застоя» (1970-е – начало 1980-х гг.)	44,6	53,1	-8,5
Коллективизация сельского хозяйства (конец 1920-х – 1930-е гг.)	41,5	56,6	-15,1
Переход к рыночной экономике (1991–1999 гг.)	40,5	57,4	-16,9
Перестройка (1985–1990 гг.)	28,6	69,5	-40,9

Примечание: по данным Института социологии РАН.

Для понимания таких оценок надо учитывать, что на них влияют не только современные дискурсы, но и семейная память. Во время социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН последних лет порядка 20–24% относили себя к потомкам пострадавших от сталинских репрессий (раскулачивания, террора 1930–1950-х гг.). Реально доля таких потомков существенно выше, поскольку почти 50% респондентов просто не знают подробностей жизни своих предков 1930–1950-х гг.

Получается, что большинство потомков «жертв» сталинских пятилеток склонны ее хотя бы частично оправдывать: коллективизация оценивается чаще отрицательно, но индустриализация – как лучшая реформа XX в. Тот факт, что ресурсы для подъема индустриализации были получены в очень значительной степени за счет катастрофической коллективизации, а потому эти две реформы нельзя разделять, – это знание профессиональных обществоведов, которое еще не вошло в массовое сознание.

Абсолютное преобладание позитивных оценок сталинской индустриализации совсем не означает, что современные россияне хотят возродить сталинизм. На вопрос «Какой период в истории России XX в. в наибольшей степени соответствует Вашим идеалам, представлениям о том, какой должна быть Россия?»

во время опроса Института социологии ФНИСЦ РАН в июне 2023 г. лишь 5,2% россиян назвали сталинский период. Правда, это – третий по частоте упоминаемый период: чаще всего называют современный период (29,8%) и брежневскую эпоху (15,6%), но заметно реже – дореволюционную царскую Россию (3,6%), хрущевскую оттепель (2,4%) и, конечно, период реформ Ельцина – Гайдара 1990-х (0,6%). Нынешние россияне, как правило, не жаждут жить в эпоху перемен, однако оценивают сталинские реформы как в целом позитивный элемент национальной истории.

«Россия сошла с ума»? Или в таких оценках народной исторической памяти есть рациональное зерно? Представляется, что есть. И его можно увидеть в обсуждаемой монографии «Экономика СССР в годы первой пятилетки».

Аргументы *pro*: Ханин versus Ханин

Г.И. Ханин, ведущий российский эксперт по количественным оценкам достижений/провалов советской экономики, ранее продемонстрировал на страницах журнала «Мир России» [Ханин, Фомин 2022] убедительный пример критики восторженных оценок советской модернизации [Галушка и др. 2021], которые в значительной степени базировались на некритическом использовании статистики. Автор данных размышлений полностью доверяет высокому профессионализму Г.И. Ханина и не будет подвергать сомнению его количественные оценки³. Предлагается другой полемический прием: пусть с гиперкритическими, как представляется, суждениями автора обсуждаемой книги «спорят» его же собственные суждения этой же «Экономики СССР в годы первой пятилетки».

Прежде всего надо определиться, какие же цели первой пятилетки являлись объективно приоритетными и потому должны быть главными критериями оценки ее результативности. Хотя «вакханальное планирование» декларировало стремление добиваться высокого роста по всем направлениям, геополитическая ситуация рубежа 1920–1930-х диктовала приоритетность гораздо более узкой сферы – промышленности в целом и военной промышленности в особенности.

Г.И. Ханин вполне соглашается с тем, что «<...> несколько развитых стран видели решение своих проблем в расширении жизненного пространства, и СССР с его большими природными ресурсами, экономической и военной слабостью являлся для них подходящей целью» [Ханин 2023, с. 8]. До 1933 г. Германия являлась скорее союзником СССР, но после «военной тревоги» 1927 г. наиболее актуальным противником на Западе выступали тогда Великобритания и ее сателлиты. На Дальнем Востоке ситуация была еще более горячей: в 1929 г. РККА воевала с китайцами у КВЖД, а в 1931 г. агрессивная Япония захватила Манчжурию, выйдя на границу с СССР. Если бы в такой ситуации советские политики начали первоначально

³ Конечно, и на солнце могут быть пятна. Есть сомнения в том, как автор книги учитывает при расчете прироста снижение качества продукции; например, упоминаются поправочные коэффициенты в 4 п.п. за 1929 г. и в 6 п.п. за 1930 г. [Ханин 2023, с. 55]. После такой правки реальный прирост промышленного производства в 1930 г. оценен в 9%, авторская поправка на снижение качества сокращает прирост промышленности более чем на 1/3. Не слишком ли это много? Поскольку автор – профессионал высочайшего уровня, у него наверняка были основания именно для таких поправок, но читателям о них не сообщается.

заботиться о повышении уровня жизни, Вторая мировая война могла бы начаться раньше и закончиться с гораздо худшими для нас результатами.

Если считать индустриализацию (с акцентом на выпуск военной техники) главной целью первой пятилетки, а все остальное – скорее средствами, то вывод, что «пятилетка с треском и позором провалилась», требует существенной коррекции. Согласно подсчетам автора монографии (таблица 2), продукция промышленности за пятилетку выросла более чем на треть, а продукция строительства (это в основном промпредприятия, которые начнут давать продукцию уже во второй пятилетке) – более чем в полтора раза. Поскольку СССР и накануне первой пятилетки был отнюдь не «банановой республикой», такой промышленный «взлет»⁴ объективно являлся национальной победой. Правда, реальные достижения оказались скромнее того, что намечалось при «вакханальном планировании»: плановые задания (причем отправного варианта пятилетки, а не последующих все более и более фантастических планов) даже по промышленности и строительству оказались выполнены менее чем на 2/3. Но рассчитывало ли советское политическое руководство на реальное выполнение «вакханальных планов»?

Таблица 2. **Выполнение первого пятилетнего плана (отправной вариант) по важнейшим экономическим показателям, оценки Г.И. Ханина**

Показатели	Плано-вые задания	Фактическое выполнение (год к году), разы						Факт к плану
		1929	1930	1931	1932	1933	1929–1933	
Национальный доход	2,03	1,05	1,03	1,01	1,01	1,02	1,12	0,55
Продукция промышленности	2,36	1,1	1,09	1	1,07	1,05	1,35	0,57
Продукция сельского хозяйства	1,55	0,98	0,94	0,96	0,94	1,07	0,89	0,57
Продукция строительства	2,51	1,2	1,31	1,2	1,05	0,78	1,54	0,61

Примечание: [Ханин 2023, с. 128].

Автор монографии «Экономика СССР в годы первой пятилетки» сам сомневается, что фактические намерения советского руководства совпадали с тем, что прокламировалось в плановых заданиях. Один из параграфов книги прямо называется «Были ли Сталин и его окружение безумцами?» [Ханин 2023, с. 43]: речь идет о «<...> принятии неосуществимых планов, хаотичном, поспешном и необоснованном их повышении, дезорганизирующих весь хозяйственный механизм и планирование». Г.И. Ханин полагает, что здесь трагически сказалось «<...> отсутствие у Сталина и его окружения опыта управленческой хозяйственной деятельности, представления о реальных возможностях экономики». Но такое объяснение вряд

⁴ Термином «взлет» (*take-off*) американский экономист российского происхождения У.У. Ростоу обозначал в популярной в 1960–1970-е гг. теории стадий роста ту стадию модернизации, когда за короткий срок осуществляется системная индустриализация благодаря высоким производственным инвестициям при сдерживании потребления [Rostow 1960]. Хотя сам У.У. Ростоу считал эту стадию универсальной, историки-экономисты показали, что такая «взрывная» индустриализация наблюдалась только в СССР, в то время как для «нормальных» стран капиталистического развития характерны более длительные процессы.

ли достаточно, поскольку И.В. Сталин занял пост руководителя страны в середине 1920-х гг. и имел не один год, чтобы освоить государственное управление экономикой. Более верным кажется другое предложенное Г.И. Ханиным объяснение: «Видимо, было представление, что высокие задания, даже при их неполном выполнении, вынудят руководителей и рядовых работников достигнуть больших результатов, чем более низкие» [Ханин 2023, с. 43]. Но если неполное выполнение планов неявно предполагалось с самого начала, то надо ли вообще рассматривать степень выполнения таких планов как критерий их (не)успешности? Может быть, лучше таким критерием считать только достигнутые *результаты* безотносительно к *планам*? А если смотреть только на показатели производства, то однозначно виден «взлет» в промышленности и в капитальном строительстве, именно в тех сферах, которые были тогда для СССР ключевыми со всех точек зрения – и с точки зрения тактической военной безопасности, и с точки зрения стратегической индустриальной модернизации.

Поскольку плановые задания стали в первую очередь методом агитации, идеологического «подстегивания» и только во вторую очередь – инструментом распределения ресурсов и мониторинга, то публичная социально-экономическая статистика оказалась обречена на фальсификацию. Признать недовыполнение планов можно было лишь задним числом, когда обнародование «неприятных» фактов уже не влияло на легитимность «верхов». Но как тогда мониторить текущую ситуацию? Советское руководство смогло, судя по книге Г.И. Ханина, эту проблему решить.

«Имели ли высшие советские руководители в условиях лживых общеэкономических данных представление о реальном положении в экономике?» – ставит вопрос Г.И. Ханин и дает положительный ответ. С одной стороны, фальсификация статистики была не тотальной: «Имелись правдивые данные о количестве производимой продукции в натуральном выражении и количестве оборудования, числе занятых по отраслям, об уровне и динамике цен на частном рынке» [Ханин 2023, с. 43]. Такой метод не позволял отслеживать качество продукции (с проблемой контроля качества директивная экономика справиться вообще не может), но сильно его понижать было опасно из-за «популярности» обвинений во вредительстве. С другой стороны, существовал такой неэкономический метод мониторинга социальной напряженности, как сводки донесений органов безопасности (ОГПУ) о настроениях населения, своеобразный аналог современных соц-опросов [Ханин 2023, с. 108]. И этих каналов информации в принципе хватало: в частности, Г.И. Ханин считает легализацию весной 1932 г. торговли сельхозпродуктами прямой – и очень быстрой – реакцией на «второй Кронштадт».

Хотя при чтении книги Г.И. Ханина больше заметны эмоционально акцентированные негативные оценки («вакханальное планирование», «лживая статистика», «вопиющая неэффективность» и т. д.), в то же время с ними соседствуют и многие положительные (пусть с оговорками) суждения о достижениях пятилетки. В частности, уже в 1928–1929 гг. полученные результаты были «<...> совсем неплохи по меркам капиталистических стран, но они никак не позволяли догнать эти страны из-за огромной дистанции» [Ханин 2023, с. 36]. Понятно, что «догнать и перегнать» можно было лишь за несколько десятилетий. Впрочем, история «подыграла» Советскому Союзу, поскольку именно в 1929 г. началась Великая Депрессия. «На этом фоне по динамике ВВП СССР выглядел [в 1930 г.] предпочтительно, – признает Г.И. Ханин, пусть и с большой оговоркой. – Но на Западе

не было политических преследований и издевательств, товарного дефицита и низкого качества продукции» [Ханин 2023, с. 58].

Странность сочетания планового волюнтаризма и вопиющей бесхозяйственности с огромными экономическими достижениями уже в первые годы пятилетки ощущает и сам автор книги: «При многочисленных хозяйственных неудачах следует отметить быстрый рост промышленности еще до того, как вступили в действие большинство строек реконструктивного периода. Этот феномен <...> объясняется огромным индустриальным строительством в годы Первой мировой войны» [Ханин 2023, с. 64]. Видимо, бесхозяйственность была не такой уж и вопиющей, если пятилетка началась с освоения старых заделов и, соответственно, роста фондоотдачи.

С 1931–1932 гг. стали заметны высокие результаты нового строительства и новых «правил игры». «Первыми крупными достижениями стали успехи в военной промышленности – главной отрасли пятилетки» [Ханин 2023, с. 74]: со ссылкой на [Davies 1996] указывается рост производства за 1930–1931 гг., например, пулеметов и танков/танкеток в 5–6 раз, а за 1931–1932 гг. – еще в 1,5 и 3,5 раза соответственно. Не менее стремительный взлет наблюдался в подготовке квалифицированных кадров: число практических научных работников в промышленности взлетело с округленно 1,5 тыс. в 1929 г. до 4,9 тыс. в 1930 г. и 8,8 тыс. в 1931 г., «<...> в шесть раз всего за два года. Видимо, мировой рекорд». Но и тут автор спешит сделать оговорку: «Здесь использовались те же экстенсивные методы, что и в материальном производстве, но в науке они гораздо менее результативны. Тысяча посредственных ученых не заменит одного гения. Впрочем, для воспроизведения научных результатов западной науки могут пригодиться и они» [Ханин 2023, с. 89]. При догоняющем развитии⁵ действительно технологическое копирование на первых порах предпочтительнее собственных инноваций; через 60 лет КНР именно таким образом добьется «экономического чуда», и никто не будет упрекать Китай за то, что там мало гениев.

Наконец, в последний год пятилетки стало заметно усиление и интенсивных методов роста: «<...> произошел рост производительности труда на 7,8%. <...> Но это повышение производительности труда лишь в очень малой степени могло компенсировать ее огромное падение в предыдущие годы пятилетки» [Ханин 2023, с. 119]. Когда армию работников составляют в большой степени вчерашние крестьяне, от них странно было бы ожидать высокой производительности. Скорее следует удивляться, что переход от падения производительности труда к началу его роста произошел лишь за четыре года. Стахановское движение, направленное как раз на повышение производительности труда, развернется уже во второй пятилетке.

В финале монографии «Экономика СССР в годы первой пятилетки» сталкиваются по существу два разных вывода: один – что «<...> пятилетка с треском и позором провалилась» [Ханин 2023, с. 130]; и другой, что «<...> в годы первой пятилетки были достигнуты значительные успехи в модернизации советской экономики, прежде всего в ускоренной индустриализации и сопутствующем ей укреплении военной мощи. Некоторые из них не имели равных

⁵ Популярный в 1980–2000-е гг. термин «догоняющее развитие», используемый для характеристики развития России, в последние годы подвергается осуждению, поскольку он якобы умаляет самобытность развития нашей цивилизации. Такое проявление патриотизма показалось бы в советскую эпоху надуманным: самобытное национальное культурно-идеологическое развитие не противоречит необходимости осваивать те пришедшие из более экономически развитых стран технологии и институты, без которых невозможно современное суверенное государство.

в предшествующей мировой экономической истории» [Ханин 2023, с. 134]. Г.И. Ханин не может не признать, что «взрывная» индустриальная модернизация СССР в первую пятилетку – объективный факт, значимость которого нельзя отрицать, хотя можно снизить многими справедливыми уточнениями. Поскольку, как и любая ускоренная модернизация, советский «взлет» был крайне противоречивым: «В первой пятилетке процессы модернизации в одних областях и демодернизации в других шли параллельно. Модернизировались отраслевая структура экономики, техническое оснащение промышленности и сельского хозяйства, просвещение, наука и образование, демодернизировались общественные отношения и быт» [Ханин 2023, с. 147]. Но может ли прогресс быть не противоречивым?

Провал строительства социализма – успех промышленной модернизации

Как видим, на уровне эмоциональной риторики автор «Экономики СССР в годы первой пятилетки» явно осуждает сталинскую индустриализацию, но в оценках конкретных достижений и провалов первой пятилетки у Г.И. Ханина наблюдаются колебания между *pro* и *contra*. Иного трудно ожидать, ведь даже в «мнении народном» очень положительная оценка индустриализации сосуществует с негативной оценкой коллективизации. Поскольку в своей книге Г.И. Ханин существенно опирается на работы западных экономистов-советологов конца XX в. (прежде всего Р. Дэвиса⁶), эта двойственность оценок сталинской индустриализации (полууспеха-полупровала) коррелируется с доминирующими дискурсами современного западного обществоведения. Итак, в оценке судьбоносных для России социально-экономических событий 90-летней давности в общем-то есть консенсус, но он заключается в принципиальном отсутствии однозначности. Весы аргументов *pro* и *contra* колеблются, «стакан» результатов кажется то полуполными, то полупустым.

Попробуем добавить некоторые соображения в пользу позиции *pro*. Представляется, что для комплексной оценки первой пятилетки в частности и сталинской индустриализации в целом нужно вообще отказаться от рамок одной только экономической истории конкретных событий, перейдя на уровень концептов социальной философии и социологии истории.

Прежде всего нельзя забывать, что прогресс принципиально жесток. Достаточно вспомнить мнение К. Маркса, согласно которому лишь в отдаленном будущем, после «великой социальной революции», «<...> человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» [Маркс 1957, с. 320]. Эта «великая социальная революция», знаменующая переход «<...> из царства необходимости в царство свободы», нигде еще не произошла; Октябрьская революция

⁶ Г.И. Ханин справедливо полагает, что западные экономисты-советологи в значительной степени взяли на себя исправление недоработок советских и постсоветских ученых: «Они выпустили ряд первоклассных исследований этого периода с объективными количественными оценками, на которые я опирался» [Ханин 2023, с. 5]. Автор сетует, что даже сейчас «<...> эти исследования практически недоступны подавляющему большинству российских экономистов, так как их можно найти только в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга» [Ханин 2023, с. 6], и поэтому рецензируемая монография является отчасти восполнением этой недоступности. Правда, здесь автор не совсем прав: в частности, знаменитая монография [Davies, Wheatcroft 2004] про «годы голода» давно доступна в переводе [Дэвис, Уиткрофт 2011].

1917 г. объективно являлась только фальстартом этого будущего посткапиталистического перехода [Латов 2021]. Фактически же советское партийно-государственное руководство оказалось вынуждено решать задачи не построения социализма, а «всего лишь» индустриальной модернизации, без которой отстающая страна обречена быть только объектом политики сильных держав. Через эту модернизацию прошли (или продолжают проходить) все страны мира, и везде она была жестокой. Чтобы построить новое общество, старое нужно разрушить, к тому же поиск нового пути развития всегда происходит методом проб и ошибок. Число ошибок и уровень разрушений можно снижать, но это выясняется обычно задним числом; их можно снизить, но нельзя полностью устранить. Издержки разрушений и ошибок ожидаемо будут выше у тех стран, которые первыми прокладывают новый путь.

Советский опыт «реального социализма» принято оценивать именно по критериям социализма, базовыми институциональными характеристиками которого считаются реальное обобществление производства, искоренение эксплуатации, преодоление отчуждения и раскрепощение свободной личности. Поскольку в СССР не только в 1920–1930-х, но и в 1970–1980-х гг. все это либо отсутствовало, либо проявлялось искаженно, то делались выводы о тотальном провале социалистического эксперимента. Но нужно ли для оценки советской социально-экономической истории применять только такие высокие критерии?

С 1950–1960-х гг. сосуществуют, парадоксально слабо взаимодействуя друг с другом, два направления анализа альтернативных моделей национального социально-экономического развития – советология, изучающая развитие СССР и его сателлитов, и экономическая теория развития (Development Economics), исследующая преодоление отсталости (модернизацию) так называемыми развивающимися странами [Нуреев 2022]. Слиянию этих двух направлений препятствует не столько то, что СССР начал промышленную модернизацию значительно раньше, сколько идеологические ярлыки, заставляющие оценивать достижения сталинского Советского Союза и, скажем, постколониальной Индии по качественно разным критериям. Однако и СССР, и страны «третьего мира» объективно решали с разрывом в 20–40 лет одни и те же главные задачи индустриализации (перехода от сельской к промышленной экономике), урбанизации (сдвига от сельского к городскому образу жизни) и культурной революции (внедрения всеобщего среднего образования).

В контексте решения задач догоняющего развития главное отличие СССР – не столько в социалистических лозунгах (их щедро использовали и в «третьем мире»), сколько в быстрых успехах. Достаточно сопоставить нашу страну с Китаем, где гражданская война, начавшись почти одновременно с нашей революцией 1917 г., затянулась почти на 40 лет, а «взлет» стартовал не через десятилетие после завершения гражданской войны, а через треть века. И хотя «китайское экономическое чудо» вызывает восхищение (в том числе в России), первые советские пятилетки чудом не считают. Возможно, такому сопоставлению препятствует то, что в дискурсах Development Economics изучаются модели становления *рыночной* экономики, в то время как советская экономика самоидентифицировалась как *плановая*. Однако книга Г.И. Ханина убедительно показывает, что курс на ликвидацию рыночных институтов уже в рамках первой пятилетки сменился «неонэпом» (данный термин используют обычно для обозначения первых лет уже второй пятилетки), легализовавшим колхозные рынки. Советская экономическая модель всегда сочетала плановые и рыночные институты (см., например, [Латов 2019]), поэтому хотя она качественно

и отличается от большинства национальных моделей догоняющего развития (южнокорейской, индийской, китайской, египетской и т.д.), но не является их антитезой.

Таким образом, при оценке социалистического строительства в СССР есть смысл сменить оптику оценки. Образно выражаясь, «город-сад» построить не удалось и вряд ли было возможно, зато удалось создать Новокузнецк, город с плохой экологией, но один из крупнейших металлургических центров России и Европы. Это – символ всей сталинской модернизации.

Насколько полон полупустой стакан?

Если оценивать первую пятилетку по меркам именно задач и методов экономики развития, то ее критика станет более умеренной.

Можно ли считать неоправданной жестокость коллективизации, которая резко понизила уровень жизни сельчан и сделала их дешевой рабочей силой для новых строек и заводов? Но это – решение базовой для отстающих стран проблемы перелива рабочей силы из трудоизбыточного сельского хозяйства в трудонедостаточную промышленность. Британский экономист А. Льюис в 1979 г. был награжден премией им. Нобеля по экономике за разработанную им в начале 1950-х гг. модель такого перелива: она предполагала внедрение трудоемких промышленных технологий с уровнем зарплаты на уровне чуть выше прожиточного минимума. Именно такими методами страны «третьего мира» обычно и начинали индустриализацию, «китайское экономическое чудо» тоже их использовало. Сталинское руководство не могло получить модель А. Льюиса из будущего, но самостоятельно догадалось сделать ставку на трудоемкие (с широким использованием малоквалифицированного труда) технологии и на «голодную» зарплату. Отличие модели Сталина от модели А. Льюиса в том, что у последнего высокая бедность деревни была исходным моментом, а в СССР конца 1920-х гг. резкого разрыва в уровне жизни сельчан и горожан не наблюдалось. Что ж, если быстрее приток в города рабочей силы можно обеспечить, только сделав жизнь в деревне «невыносимой», это и было осуществлено в ходе коллективизации, которая к тому же позволила повысить продуктообеспечение города. Жестоко, но результативно!

Так ли были неоправданны низкий уровень жизни и голод в деревне? Но для перекачивания рабочей силы из деревни в город было, как мы видим, просто необходимо создать существенный контраст в пользу городской занятости. Для иллюстрации того, как бедно жили советские горожане, Г.И. Ханин обильно цитирует «Дневник “Великого перелома”» И.И. Шитца⁷, московского преподавателя-историка: «“Недостаток самых необходимых продуктов (люди часами ждут, не появится ли какой-нибудь товар – сыр, мандарины, колбаса, лимоны или миноги, безразлично – и тут же, в густой очереди, разбирают все)”» [Ханин 2023, с. 60]; «“Исчезает все. <...> Чаю дают 50 гр. на три месяца, – это в Москве, в провинции давно не видели чая. <...> Яблок нет и в помине, нет и арбузов”» [Ханин 2023, с. 85]. Для исторически конкретного понимания надо учитывать, что в обычное меню крестьянина той эпохи чай, арбузы, мандарины и миноги никогда не входили, да и для городских рабочих они были символами

⁷ Шитц И.И. (1986) Дневник «Великого перелома»: март 1928 – август 1931 г. Paris: Ymca-press.

роскоши. Как именно воспринимали условия жизни в первую пятилетку массовые слои населения, мы знаем плохо, поскольку они образуют молчаливое большинство. Сводки ОГПУ свидетельствуют, что скудную продуктообеспеченность городские промышленные рабочие тоже переживали остро. В то же время явно больше было тех рабочих, кто не считал городские условия жизни более тяжелыми, чем жизнь в покинутых ими селах, в противном случае «второй Кронштадт» имел бы совсем другие масштабы.

Можно ли считать недопустимой статистическую ложь – обманную презентацию тяжело доставшихся полууспехов как абсолютных побед? Может быть, партийно-государственному руководству следовало уже в начале 1930-х гг. честно признать, что, хотя главные задачи в основном были решены, но не все, не во всем и не всегда лучшим образом? Или в самом начале первой пятилетки публично заявить что-то похожее на хрестоматийное обращение У. Черчилля к британцам в 1940 г.: «Все, что я могу вам предложить, – это кровь, тяжкий труд, слезы и пот. Нам предстоит тяжелейшие испытания»⁸? Сомнительно. Даже в 1980–1990-е гг. россияне очень отрицательно реагировали на призывы терпеть ради будущего. Советские довоенные политики должны были модернизировать страну с теми людьми, какие были, – в массе своей малообразованными, с низким горизонтом планирования, со слабым (внешним) локусом контроля, склонными к простым объяснениям сложных проблем. Им можно было, не опасаясь «русского бунта», сообщать лишь часть правды, а те, кто не понимал агитационных задач приукрашенных отчетов, объективно «раскачивали лодку». Впрочем, те, кто превращал отчетность в откровенную профанацию, тоже рисковали быть жестоко наказанными за очковтирательство.

Настолько ли было порочным «вахханальное планирование»? Да, если бы «буржуазные специалисты» не были удалены от планирования и не репрессированы, то руководимый Н.Д. Кондратьевым Конъюнктурный институт, вероятно, разработал бы план гораздо более реалистичный (как он раньше подготовил сельскохозяйственный план 1923–1928 гг. – «пятилетку Кондратьева»). Но смог бы менее «вахханальный» план дать те же высокие результаты при меньших издержках, или соотношение результатов/затрат было бы хуже, поскольку меньшая напряженность плана понизила бы напряженность его выполнения? Точный ответ дать невозможно, хотя когда-нибудь методами ретромоделирования такой альтернативно-исторический сценарий наверняка будет разыгран⁹. Уверенно можно сказать лишь то, что, к сожалению, авральный стиль исторически гораздо больше присущ российской хозяйственной культуре, чем методичный размеренный труд (см., например, [Милов 2001]). Поэтому вряд ли нужно третировать гиперзавышенные планы первых пятилеток как результат политического волюнтаризма и профессиональной некомпетентности. Это просто планирование другого типа. Для современного экономиста нормой является долгосрочный план как программа

⁸ Из речи У. Черчилля в Палате общин 13 мая 1940 г.

⁹ Примером подобного контрфактического ретромоделирования является, например, известная монография американского экономиста-историка Р. Аллена [Allen 2003; Аллен 2013], в которой дана высочайшая положительная оценка сталинской индустриализации и доказывается, что основную роль в ее успехе сыграли нацеленность на промышленные инвестиции и «мягкие бюджетные ограничения», в то время как «ограбление деревни» было малозначимым. Поскольку его аргументация вызвала существенные возражения коллег, подход Р. Аллена пока следует считать скорее приглашением к дискуссии о контрфактическом моделировании как методе выяснения результативности советской модернизации.

развития, для которой характерны научная обоснованность, разумная напряженность и контроль за реальным выполнением. Именно по стандартам таких планов Г.И. Ханин и оценивает первую пятилетку. Но планирование – исторически развивающийся институт, соответствующий культурному уровню разработчиков и исполнителей (см. [Лагов, Латова 2012]). На примере первой сталинской пятилетки мы видим план другого типа – план-призыв, для которого типичны волюнтаризм, гипернапряженность и жестокий контроль за выполнением с элементами сознательной фальсификации результатов. Такой план рассчитан не на «свободный труд свободно собравшихся людей», а на исполнение непреклонной воли национального лидера, который в очередной раз «уздой железной Россию поднял на дыбы». Но, быть может, для основной массы населения страны догоняющего развития именно такой тип планирования наиболее результативен?

Оценивание прошлого предполагает обязательное сопоставление реальных событий с лучшими или худшими альтернативными возможностями, которые объективно были в то время и за которыми в конкретной ситуации стояли влиятельные политические акторы. Были ли с этой точки зрения реальные альтернативы сталинским жестокостям, волюнтаризму и фальсификациям?

Хотя книга Г.И. Ханина уделяет не много места разбору политических игр вокруг первой пятилетки, об альтернативах в ней все же упоминается: «При разработке <...> пятилетнего плана столкнулись две линии: профессиональный подход, учитывающий реальные возможности экономики и ее сбалансированное развитие, и волюнтаристский, исходящий из намерения подтолкнуть экономическое развитие, выдвигая нереальные, несбалансированные планы. В острой борьбе победил второй подход» [Ханин 2023, с. 29]. Речь идет о дискуссиях накануне первой пятилетки, в которых правые оппоненты И.В. Сталина (в первую очередь Н.И. Бухарин) как раз и предлагали те меры, за отсутствие которых Г.И. Ханин эмоционально упрекает сталинское руководство: сохранение рыночных связей, повышение производительности труда, сопряженность индустриализации с подъемом сельского хозяйства. Однако сам же автор «Экономики СССР в годы первой пятилетки» указывает, что «<...> квалифицированной и проницательной критике Осинского, Сокольникова, Бухарина не хватало конструктивного содержания» [Ханин 2023, с. 17]. В частности, Н.И. Бухарин «<...> оставляет за пределами рассмотрения вопрос о том, откуда взять огромные средства, необходимые для индустриализации. <...> При этом известную перекачку средств из сельского хозяйства в промышленность [он] все же допускает, возражает лишь против чрезмерной перекачки» [Ханин 2023, с. 15]. Еще менее конструктивной оказалась более поздняя оппозиция под руководством М.Н. Рютина. Она требовала ликвидации диктатуры И.В. Сталина и роспуска насильственно созданных колхозов, обличала политику «дутых темпов и дутых планов» [Ханин 2023, с. 105], но не выдвигала конкретных предложений об изменении механизма хозяйствования в промышленности и строительстве [Ханин 2023, с. 108]. Когда в предпоследний год пятилетки появились опасные симптомы «второго Кронштадта», то самую сильную альтернативу прежнему курсу предложил и реализовал сам же И.В. Сталин: «Пришлось посягнуть и на святое – военные расходы, чего не предлагали ни Рютин, ни Троцкий, ни Преображенский» [Ханин 2023, с. 110].

Из книги Г.И. Ханина видно, что, хотя у сталинской социально-экономической политики были вопиющие недостатки, хорошо заметные современникам, но ей не

было качественной альтернативы, лучше обоснованной и имеющей сильную политическую поддержку. Коридор возможностей казался (и, видимо, был) очень узким: либо ускоренно создается промышленность за счет ограбления деревни и обеднения горожан, либо растут риски, что СССР станет жертвой Великобритании или Японии. Сталинскую первую пятилетку вряд ли можно считать лучшим из возможного, поскольку и в рамках этого узкого коридора возможности маневра существовали. В частности, ретроспективно видно, что осуществленный весной 1932 г. поворот в сторону сглаживания социальной напряженности путем легализации торговли продуктами и снижения планов нужно было осуществить хотя бы на полгода раньше, что сократило бы число жертв голода 1932–1933 гг. Но качественно иного дано не было.

Первая пятилетка и современная «новая реальность»

История (историческая наука в широком смысле слова) в России всегда была больше, чем историей. Начиная с М.В. Ломоносова и Н.М. Карамзина обсуждение национальной истории являлось в России не только осмыслением уроков истории, но и проекцией размышлений и оценок в отношении современности. Такое переплетение объективного анализа истории и опрокинутой вспять политики в общем-то наблюдается во всех странах. Но политизированность проявляется сильнее, если доминирующая идеология (монархическая, коммунистическая, либеральная, патриотическая) претендует на тотальность. В таких условиях историческая наука сближается с «боями за историю», в которых важно не столько защитить науку от мифов, сколько бороться с «враждебными мифами», защищая «правильные мифы». Такая установка редко открыто высказывается, чаще она даже не вполне осознается участниками «боев за историю». Уничтожить эту зависимость взгляда на историю от позиции в современной идеологической борьбе вряд ли можно и нужно. В конце концов, историческое развитие действительно дает объективные аргументы для определенных идеологических суждений и оценок, хотя эти аргументы обычно неоднозначны и предполагают возможность (пусть в разной степени) высказываться и *pro*, и *contra*. Задача обществоведа – видеть реальную противоречивость исторического развития и находить в ней главные тенденции, не затушевывая иные.

В силу этих соображений обсуждение сталинской индустриализации органично пересекается с обсуждением современной «новой реальности», когда Россия снова находится в конфронтации с западными державами и снова пытается преодолеть полосу препятствий за счет авторитарных методов государственного управления. Конечно, переключка бифуркационных эпох не означает их тождественности: хотя нынешней России нужен новый «взлет», речь идет о социально-экономической модернизации гораздо более высокого уровня, связанной с постиндустриальной (четвертой промышленной) революцией. Главным ресурсом давно стал не простой труд рабочего/строителя, как во время первых пятилеток, а высококвалифицированный труд специалиста/профессионала. Однако проблема роли авторитарно-государственных методов управления остается по-прежнему остро актуальной и дискуссионной. Поэтому вполне понятна эмоциональная запальчивость автора «Экономики СССР в годы первой пятилетки», которая объективно обращена в адрес не только давно ушедших в Лету сталинских, но и современных политиков.

Сопоставление сталинских первых пятилеток и современной «новой реальности» существенно обогащает знание об обеих исторических эпохах. С одной стороны, лучше понятно, почему сталинская политическая элита ориентировалась на тех «простых» россиян, которые лучше понимали объяснения трудностей как результата главным образом происков врагов – внешних (тогда говорили об «империалистических державах», сейчас – о «коллективном Западе») и внутренних (тогда – «вредителей», сейчас – «либералов»). Именно такие люди даже сейчас составляют большинство россиян, а 90 лет назад – тем более. С другой стороны, лучше понятно, что «внешние происки» – не выдумка Большого Брата. Как бы российская цивилизация не меняла свою идеологическую окраску (самодержавие, коммунизм, либерализм, русский патриотизм), ее столкновение с западноевропейской цивилизацией продолжается уже не одно столетие. В этой геополитической конкуренции сопоставимо сильных противников вряд ли возможна однозначная победа одной из сторон, поэтому финальный результат текущего раунда будет, вероятнее всего, тоже полууспешным.

Этот конфликт становится, если вспомнить концепцию А. Тойнби, генерированием тех вызовов, которые порождают конструктивные ответы и тем самым стимулируют развитие обеих конкурирующих цивилизаций. Однако поиск результативных ответов осуществляется – тогда и теперь – через пробы и ошибки, в которых нетрудно задним числом увидеть проявления некомпетентности и властолюбия. И для этого есть объективные основания, поскольку объективная жестокость прогресса ведет к такой селекции политиков, что люди, готовые отказаться от «мировой гармонии» из-за «слезинки невинного ребенка», в эту профессию не попадают. Но не менее объективные основания есть и у иного подхода, когда в политиках, у которых «руки по локоть в крови», видят не убийц, а акушеров нового – в целом лучшего – общества.

Успешный в целом результат способен в глазах будущих поколений сделать героически-прекрасным то, что современники оценивали гораздо менее однозначно. Поэтому, читая новую книгу Г.И. Ханина о первой пятилетке, задумываешься не только над прошлым, но и над будущим: как станут обсуждать *наше* время через следующие 90 лет. Хотелось бы, чтобы подход обществоведов будущего был диалектичным, способным различать не только свет и тени очередного переломного исторического периода, но и объективные ограничения коридора выбора. И эпоха сталинских пятилеток вправе ожидать такого же подхода от современных обществоведов.

Список источников

- Аллен Р.С. (2013) От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН.
- Галушка А., Ниязметов А., Окулов М. (2021) Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Наше Завтра.
- Дэвис Р., Уиткрофт С. (2011) Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: РОССПЭН.
- Латов Ю.В. (2019) Феномены денежной реформы 1947 года как проявление двойного дуализма советской экономики (опыт социологического подхода) // Нуреев Р.М., Эскиндаров М.А. (ред.) Денежная реформа 1947 года и ее роль в восстановлении народного хозяйства СССР: к 100-летию Финансового университета. М.: КноРус. С. 161–180.

- Латов Ю.В. (2021) Финал фальстарта (о катастрофической революции 1991 г.) // Социологические исследования. № 12. С. 67–77. DOI: 10.31857/S013216250015525-0
- Латов Ю.В., Латова Н.В. (2012) Имитационное планирование как институт российской модели национальной экономики (на примере ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России») // Terra Economicus. Т. 10. № 4. С. 8–29 // <https://institutional.narod.ru/terra/journal10.4.pdf>, дата обращения 20.01.2024.
- Маркс К. (1957) Будущие результаты британского владычества в Индии // К. Маркс, Ф. Энгельс (1957) Сочинения. Издание второе. Т. 9. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Милов Л.В. (2001) Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН.
- Нуреев Р.М. (2022) Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма: ИНФРА-М.
- Ханин Г.И. (2022) Три варианта первого пятилетнего плана экономики СССР: от реализма к утопии // Terra Economicus. Т. 20. № 3. С. 52–71. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-52-71
- Ханин Г.И. (2023) Экономика СССР в годы первой пятилетки. Новосибирск: СибАГС.
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2022) Чему учит история сталинской экономики? // Мир России. Т. 31. № 3. С. 155–179. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-155-179
- Allen R.C. (2003) *Farm to Factory: A Reassessment of the Soviet Industrial Revolution*, Princeton: Princeton University Press.
- Davies R.W. (1996) *The Industrialisation of Soviet Russia-4. Crisis and Progress in the Soviet Economy*, London: Palgrave Macmillan.
- Davies R.W., Wheatcroft S.G. (2004) *The Years of Hunger: Soviet Agriculture: 1931–1933*, London: Palgrave Macmillan.
- Khanin G.I. (2023) The Soviet Economy in 1930 // *Journal of Economic Regulation*, no 2, pp. 6–17. DOI: 10.17835/2078-5429.2023.14.2.006-017
- Rostow W.W. (1960) *The Stages of Economic Growth. A Non-communist Manifesto*, London: Cambridge University Press.

Half-failure or Half-success? Reevaluating Discourse on Stalinist Industrialization

Book review: Khanin G.I. (2023) *The Economy of the USSR during the First Five-year Plan*, Novosibirsk: SibAGS (in Russian).

Yu.V. LATOV*

***Yuri V. Latov** – DSc in Sociology, PhD in Economics, Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, latov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7566-4192>

Citation: Latov Yu.V. (2024) Half-failure or Half-success? Reevaluating Discourse on Stalinist Industrialization. *Mir Rossii*, vol. 33, no 2, pp. 183–201 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-2-183-201

Abstract

The relevance of discussions on authoritarian modernization in contemporary Russia has reignited interest in analogous historical periods, notably through Grigorii Khanin's new monograph

---

This article was received in December 2023.

on the first Soviet five-year plan (1928/1929–1933). Khanin's work, which draws on the analysis of leading Western Sovietologists and his own, offers a predominantly critical evaluation of the plan, highlighting its overly ambitious targets, disorganized and harsh implementation strategies, and the achievement of only about 60% of its goals. Despite these criticisms, the Stalin era's enduring popularity in the Russian mass consciousness suggests a general dismissal of such negative appraisals, indicating a need to explore the dichotomy between liberal critiques and more favorable mass perceptions beyond the simplistic explanation of the influence of state propaganda.

Khanin argues that the criticisms of the first five-year plan are valid when viewed through the lens of "building socialism". However, considering the plan as an instrument of "catch-up development", akin to models employed in non-European countries with mixed outcomes, calls for a more nuanced critique of authoritarian modernization. The forced migration from rural areas to cities, reminiscent of Arthur Lewis's labor-intensive modernization strategy of the 1960s and 1970s, underscores this complexity. Despite failing to meet initial targets, the first five-year plan achieved remarkable growth in critical sectors like industry and construction, supporting Khanin's suggestion that the Soviet leadership used inflated targets more as a mobilizational tool than as a realistic guide.

This perspective challenges the notion that there was a viable alternative to the policies of the time, emphasizing the importance of evaluating critical socio-economic shifts by considering efficiency, effectiveness, and the limited range of available options. This approach is relevant not only to historical analysis of the Stalin era but also to understanding contemporary challenges.

Keywords: authoritarian modernization, the first Soviet five-year plan, the Stalin era, public consciousness

References

- Allen R.C. (2003) *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*, Princeton: Princeton University Press.
- Allen R.C. (2013) *From Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Davies R.W. (1996) *The Industrialisation of Soviet Russia-4. Crisis and Progress in the Soviet Economy*, London: Palgrave Macmillan.
- Davies R.W., Wheatcroft S.G. (2004) *The Years of Hunger: Soviet Agriculture: 1931–1933*, London: Palgrave Macmillan.
- Davies R., Wheatcroft S. (2011) *The Years of Hunger: Agriculture of the USSR, 1931–1933*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Galushka A., Niyazmetov A., Okulov M. (2021) *Growth Crystal. For the Russian Economic Miracle*, Moscow: Nashe Zavtra (in Russian).
- Khanin G.I. (2022) From Realism to Utopia: The Three Versions of the Soviet Union's First Five-Year Plan. *Terra Economicus*, vol. 20, no 3, pp. 52–71 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-52-71
- Khanin G.I. (2023) *The Economy of the USSR during the First Five-year Plan*, Novosibirsk: SibAGS (in Russian).
- Khanin G.I. (2023) The Soviet Economy in 1930. *Journal of Economic Regulation*, no 2, pp. 6–17. DOI: 10.17835/2078-5429.2023.14.2.006-017

- Khanin G.I., Fomin D.A. (2022) What Does the History of the Stalinist Economy Teach? *Mir Rossii*, vol. 31, no 3, pp. 155–179 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-155-179
- Latov Yu.V. (2019) Phenomena of the Monetary Reform of 1947 as a Manifestation of the Double Dualism of the Soviet Economy (Experience of a Sociological Approach). *Monetary Reform of 1947 and Its Role in the Restoration of the National Economy of the USSR: on the 100th Anniversary of the Financial University* (eds. Nureev R.M., Eskindarov M.A.), Moscow: KnoRus, pp. 161–180 (in Russian).
- Latov Yu.V. (2021) Final False Start (about the Catastrophic Revolution of 1991). *Sociological Studies*, no 12, pp. 67–77 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250015525-0
- Latov Yu.V., Latova N.V. (2012) Imitating Planning as the Russian National Economy Model (by Example of Federal Special-purpose Program “Scientific and Pedagogic Personnel of Innovative Russia”). *Terra Economicus*, vol. 10, no 4, pp. 8–29. Available at: <https://institutional.narod.ru/terra/journal10.4.pdf>, accessed 20.01.2024 (in Russian).
- Marx K. (1957) Future Results of British Rule in India. *K. Marx, F. Engels (1957) Essays*. Second edition. Vol. 9, Moscow: State Publishing House of Political Literature (in Russian).
- Milov L.V. (2001) *The Great Russian Plowman and the Features of the Russian Historical Process*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Nureev R.M. (2022) *Economics of Development: Models of the Formation of a Market Economy*, Moscow: Norma: INFRA-M (in Russian).
- Rostow W.W. (1960) *The Stages of Economic Growth. A Non-communist Manifesto*, London: Cambridge University Press.